

Глава 1

*15 сентября 2012, суббота
Мобил, Алабама*

Весь этот бесконечно долгий год я жила точно под землей. Вначале меня подавляли таблетки, потом — люди, пытавшиеся помочь мне в борьбе с зависимостью. Но, повернув на извилистую, посыпанную ракушками дорогу к дому отца, я почувствовала, что, продравшись ногтями сквозь кости и окаменелости, корни и камни, я наконец-то вырвалась на свободу и выбралась на свет.

И он был офигенно ярк!

Солнце Алабамы слепило меня, отражаясь от бесконечной вереницы автомобилей, припаркованных по обеим сторонам дороги. Я изо всех сил вдавила изношенные тормоза, и моя древняя колымага дернулась и остановилась. Прикрыв ладонью глаза от резкого света, я смотрела на дом в конце улицы. Может, Молли Роб приютила тут свой клуб садоводов? Поскольку меня убрали с глаз долой и стесняться стало больше нечего, то почему бы ей не собирать клуб здесь вместо не слишком

фешенебельного кирпичного дома в стиле ранчо, который они делили с моим братом Уинном.

Или, может, они устроили тут сбор средств для кампании Уинна. Я знала, он собирался на следующий год баллотироваться в губернаторы, пока отец имеет хоть какое-то политическое влияние.

Но собирать публику в доме отца, когда он в таком состоянии? Вряд ли ему теперь до гостей. Врач сказал, что на этой стадии Альцгеймера ремиссия уже невозможна: болезнь неуклонно продолжает свое разрушительное движение, пока не сотрет в человеке все до последней узнаваемые черты.

А вдруг все эти люди собрались в честь моего возвращения? Исключено. После этого года никакого праздника в мою честь не будет. Не говоря уже о том, что я вернулась на полторы недели раньше рекомендованного врачами срока выписки, поэтому никто меня не ждет.

Я подъехала как можно ближе к дому и втиснула машину в зазор между «кадиллаком» и «ренджровером». Отсюда дом был виден уже отчетливо: белые доски и черные ставни, шелушащиеся в полуденном мареве. Невысокий загородный коттедж, построенный работниками отца в начале XX века, был надежно защищен километрами болот и лесов на восточном берегу мутной и широкой Дог-Ривер. Сквозь вентиляционные клапаны в машину натягивало соленый влажный воздух, и, пока я сидела в ней, солнце скрылось за облаком.

На этих нескольких акрах я выросла. Здесь жила после школы — когда мы ладили с отцом и когда я бывала в завязке. В остальное время я тут не жила. Но всегда считала этот дом родным, поэтому сейчас, сидя в машине у самой подъездной дорожки, чувствовала, как все во мне переворачивается. Уинн и Молли Роб все тут запустили.

В пасмурном свете дом, окруженный бурьяном и разросшимися азалиями, выглядел даже зловеще.

Я надеялась, что они лучше присматривают за папой.

Выбравшись из старенькой «джетты», я захлопнула дверцу. Плотная приморская жара Мобила обхватила меня своими влажными руками, приветствуя на родной земле, приглашая в отчий дом. Я глубоко вдохнула запах реки.

Я справилась. Пусть я слаба, пусть меня шатает, но я уже не та девица, которую почти год назад упекли в наркологическую клинику. Приходится смаргивать всплывающую перед глазами картинку: в желтом свете натриевых лам — составленные в кружок железные стулья на ковре в кофейных пятнах. Входящие гуськом сломленные, изможденные женщины. Отупевшие от собственной беспомощности. Видимо, в тот раз я здорово напугалась, увидев в их лицах свое будущее.

Я направилась к дому, стараясь ступать на цыпочках, чтобы каблучки новых сапожек не вязли в ракушках. Я купила их в аутлете на подарочную карту, которую получила на прощание от женщин в реабилитационном центре, и, едва примерив их, ощутила больше уверенности в себе. Я напрочь забыла про эти чертовы ракушки.

Не пройдя таким манером и двадцати шагов — не фигуральных, в духе клуба анонимных алкоголиков, а реальных, в новенькой обуви, — я в какую-то долю секунды увидела то, что вернуло меня в детство, на двадцать пять лет назад.

Красный ворон.

Огромная, с двух обычных ворон, чуть ли не с ястреба, птица взгромоздилась на стойку балюстрады, тянущейся по обе стороны широких ступеней. Блестящие черные перья хвоста были опущены, кривой клюв

устремлен в небо. Ворон то и дело расправлял крылья, и я видела алые всполохи на его перьях, сверкающих на солнце.

Сжав кулаки и зажмурив глаза, я сделала глубокий вдох — в голове стучало от жары, влажности и запахов реки.

Я не моя мама.

Никаких жимолостниц не существует.

У меня на пальцах нет золотой пыли.

Красных воронов не бывает.

Я проговорила слова вслух в горячий воздух, так, для верности, ведь я твердила их долгие месяцы, пока была на реабилитации. Уверенно и отчетливо, так, будто в них не сомневалась. Потом открыла глаза и выдохнула. На вороне больше не было ни единого красного пятнышка: на столбике сидела обычная черная птица и следила за мной блестящими черными глазами.

Я разжала кулаки, еще раз вдохнула. Возвращение может оказаться не таким простым, но я справлюсь с этим без своих приемчиков. Мне они больше не нужны — ни красный ворон, ни золотой; ни другие вещи, которые я раньше якобы видела. Отогнать эти видения было не так легко — они изменили свою природу и зажили отдельной жизнью — но теперь у меня появилась установка. Мне больше не нужно играть в эти детские игры. Я могу жить настоящим, *реальной* жизнью, быть ее хозяйкой, *нормальным* человеком.

Птица снова расправила крылья и взлетела с перил, а я подошла к ступеням и прикоснулась к тому месту, где она только что сидела. Потом внимательно рассмотрела пальцы — вдруг там осталась золотая пыль. Ничего — ни золота, ни ворона. Все будет теперь в порядке, нужно только верить в себя и собственные

установки. Продолжать двигаться вперед. А это движение само будет мне помогать.

Я поднялась по ступеням и остановилась: постучать или просто войти? Всего год назад я покинула эти стены, однако... Это был очень долгий год — долгий, изнурительный, безнадежный. Три месяца незабываемого выхода из-под оксидона, перкоцета и других таблеток того же спектра действия. Три — в наркоклинике, еще почти полгода в реабилитационном центре. Жуткий год.

Чудо, что мне слоны не мерещатся. Сиреневые в крапинку.

Я открыла входную дверь и зажмурилась от яркого света. Иллюминация была полная: ослепительно горела хрустальная люстра, а также каждая лампа и бра в пределах видимости. Странно! Ведь яркий свет плохо действовал на отца, раздражал и приводил в замешательство. Я остановилась, тяжелая дубовая дверь захлопнулась позади; я выключила некоторые лампы, и комната погрузилась в полумрак. Бросила сумку на старинную вышитую козетку.

Из другой части дома доносились негромкие голоса. Если тут и была вечеринка, то спокойная, без музыки и смеха. Во мне поднялась волна страха: а вдруг он уже умер, и никто мне не сказал?! Я вышла в длинный центральный коридор и увидела на столике с мраморной столешницей аккуратно расставленные букеты роз, лилий и гортензий. «На похороны», — подумала я, не в силах отвести от них взгляда.

Из гостиной в другом конце коридора вышла моя невестка Молли Роб и застыла в изумлении. На ней был бежевый брючный костюм свободного кроя — такие носят после пятидесяти, а ей только тридцать четыре. Это вместо обычных лосин и майки-алкоголички. Она явно

только что постриглась и волосы распрямила. Молли двинулась в мою сторону, раскинув руки.

— Алтея, как ты здесь оказалась? — и заключила меня в костлявые объятия. Меня едва не стошнило от ее незнакомых духов в смеси с запахом цветов.

— Я оставляла сообщение... — Я запнулась. Последнее время я иногда звонила отцу, но он никогда мне не перезванивал. Тогда меня это не удивляло: бывали дни, когда он категорически не желал со мной разговаривать. — Он... он умер? — еле выговорила я.

Конечно, Молли Роб позвонила бы, если бы что-то случилось. Знаю, что, когда я уезжала отсюда, она была, конечно, очень зла на меня, но, в конце концов, мы же все одна семья.

Молли отпрянула назад, губки сложились в идеальный напомаженный нолик:

— Дорогая, нет, что ты, нет!

Она снова обняла меня, на этот раз крепче; огромное облегчение охватило меня, и я тоже прижалась к ней.

— Боже, вы напугали меня, — выдохнула я.

Роб не улыбнулась в ответ, высвободилась из объятий, пристально заглянула в зрачки — обычный детсадовский тест на вшивость, я уже привыкла к этому. Потом смерила меня взглядом сверху донизу, инспектируя мой внешний вид — вылинявшие черные джинсы и мешковатую серую футболку — и нахмурилась:

— Многое поменялось с тех пор, как ты уехала, Алтея.

— Что именно?

Она сгребла мою ладонь своими птичьими лапками:

— Ему хуже, Алтея, поэтому мы с Уинном переехали сюда. Мы думали дать людям возможность... — Она

оглянулась на гостиную. — Он никого не узнает, совсем никого.

— Могли бы мне позвонить.

— Мы были уверены, что тебе лучше спокойно закончить...

Не дослушав объяснений, я вырвалась из ее объятий и двинулась дальше по коридору. Вошла в гостиную и остолбенела от количества собравшегося народа. Люди были везде! Некоторых я помнила с детства или со старшей школы. Были там и папины друзья, не заходившие в наш дом уже тысячу лет. Старика с желтоватой крапчатой кожей, испещренной пятнами, который опирался на трость с набалдашником из оленьего рога, я узнала, — это был друг отца мистер Норткат.

Он был на добрых двадцать лет старше отца и всегда был для него кем-то вроде наставника. Причем богатого наставника — он финансировал кампанию, когда отец баллотировался на пост генерального прокурора. Мне мистер Норткат никогда не нравился: от него веяло характерной надменностью старого Юга, для меня он находил от силы пару слов.

Он кивнул мне, но я предпочла отвернуться и посмотреть вокруг. И тотчас меня охватила тревожная дрожь. Я оказалась в водовороте имен и лиц, принадлежащих разным местам и разным периодам моей жизни. К такому я готова не была.

И тут меня словно ударило: я узнала в толпе совершенно неожиданное лицо, которое не видела... Лет десять уж точно. Ласковые глаза, неотразимая улыбка. Вечно обгоревший нос, как у большинства мужчин в округе, проводящих три четверти своей жизни на воде.

Джей.

Он разговаривал с нашей соседкой, пожилой миссис Кемпер, кивал и смеялся, а я смотрела на него как зачарованная. Он ничуть не постарел за эти десять, нет, одиннадцать лет. Шарма, пожалуй, стало даже больше. Меня всегда влекло его лицо — с того первого раза, когда я увидела его в переполненном классе мисс Хаффман, но не потому, что он был самым красивым. Речь скорее об идеальном сочетании черт, о шедевре эволюции, какие встречаются один на миллион. Мне было семь, когда он сразил меня наповал, — еще десять ушло на то, чтобы это признать. И сейчас я чувствовала то же самое.

Черт! Увидев его снова, я почувствовала, как мое сердце разрывает стая диких собак — ощущение, мягко говоря, малоприятное. После школы мне удалось освободиться от его власти, потом он, как я слышала, перебрался куда-то на север. А теперь, видимо, приехал навестить родителей. А может, вернулся насовсем? С ума сойти! Я тотчас отвела взгляд и поспешила слиться с толпой.

Наконец я увидела отца: он сидел в кресле с подголовником в простенке между окнами, которые выходили на крыльцо и пологий травяной берег реки. Кто-то, возможно Молли Роб, одел его в свежую белоснежную рубашку и синий блейзер; однако лицо его, хоть и тщательно выбритое, казалось обмякшим, голубые глаза смотрели бессмысленно, и выглядел он куда старше своих семидесяти трех. Чтобы он не упал, с обеих сторон в кресло были подоткнуты ситцевые подушечки, а на коленях у него примостилась маленькая собачка, не то поморанский шпиц, не то чихуахуа.

Собачонка меня поразила. Отец всю жизнь был заядлым лабрадорщиком: сколько себя помню, у нас были

псы шоколадной масти, все по кличке Глупыш. До сих пор перед глазами маячила картина годичной давности: отец стоит на крыльце и смотрит, как я уезжаю. Он так и не обнял меня на прощание, рассеянно водя рукой по макушке последнего Глупыша.

Собачонка стала для меня тревожным сигналом.

Я присела на корточки перед креслом: отец смотрел на меня сверху вниз, глаза его были пусты и безучастны, губы дрожали, я приготовилась улыбнуться. Шавка тоже уставилась на меня глазами навывкате, которые почему-то наводили на мысль о Молли Роб.

— Пап.

В его лице ничего не изменилось.

Я положила руку ему на колено. Собачонка зарычала.

— Я вернулась, — сказала я.

Он ничего не ответил, однако и не отвел взгляда, поэтому я продолжила:

— Я так рада, что вижу тебя.

Зрачки сузились, в глазах блеснуло узнавание.

— Алтея. — Он произнес мое имя наспех, как будто оно было противным на вкус и он хотел поскорее его выплюнуть.

— Все правильно, — бодрым голосом подтвердила я. Глядя отца по колену, я заставляла себя смотреть на него, а не на кончики собственных пальцев — не оставляют ли они золотой пыльцы на его брюках?

— Убирайся вон, — сказал он.

Мое сердце сжалось, я схватила ртом воздух. Заглянула ему в глаза, чтобы поймать его взгляд, через силу улыбалась, пытаюсь напомнить ему, кто я. *Я ведь твоя дочь, я — Алтея. Я не Трикс. Я — не моя мать...*

— Убирайся, — повторил он, настолько тихо, что я едва расслышала.

Я качнулась на каблуках, опустив голову и напоминая себе, что он уже говорил мне это, и не единожды, прежде чем отправил меня собирать вещи. Он болен — и не помнит всех наших разговоров, не знает, что я прошла через все, что обещала ему. Не помнит, как давал мне слово, что я могу вернуться и оставаться в его доме столько, сколько понадобится, пока не найду работу и не скоплю немного денег. Я сделала еще один глубокий вдох и напомнила себе, что сидящий передо мной человек не в полном смысле слова мой отец.

— Папа, я вернулась. — Я не добавила «из наркоклиники»: если он забыл, так и незачем напоминать. Снова улыбнулась: — У меня все хорошо, правда хорошо.

— Сегодня твой день рождения? — спросил он.

— Нет, это вечеринка в твою честь.

— Тебе уже тридцать.

Я помотала головой, все еще пытаюсь улыбаться. Это становилось все труднее. Слезы, которым я не давала волю в реабилитационном центре, грозили вырваться наружу.

— Мне будет тридцать через пару недель. Тридцатого сентября. Помнишь? Тридцать тридцатого?

От этих слов холодок пробежал по спине. Несмотря на то что все психологи и психиатры уверяли меня, что мать была больна и не имела права так пугать пятилетнего ребенка, я и двадцать пять лет спустя помнила все, что она сказала мне в ночь своего юбилея, в ту ночь, когда ей исполнилось тридцать и я в последний раз видела ее живой.

— *Дождись ее, дождись девушки-жимолостницы. Думаю, она найдет тебя. А если нет, найди ее сама.*

Отец скинул мою руку с колена и вжался в спинку кресла:

— *Убирайся!*

А собачонка дважды гавкнула на меня, коротко и пронзительно. Мерзкая шавка. Хотелось швырнуть ее через всю комнату. Отец смотрел сквозь меня, одной рукой отчаянно отмахиваясь:

— Уберите ее от меня! Уберите от меня эту сумасшедшую суку!

Наступила тишина, и я почувствовала, как все отшатнулись от кресла с подголовником. Я не поднимала взгляда, однако знала, что все гости, включая Джея, не сводят с нас глаз. Лицо пылало, и удержать слезы все-таки не удалось. Отец, родной отец кричал, чтобы я убиралась из его дома. Но я не могла этого сделать. Не могла сдвинуться с места. Просто съезжилась на полу.

Вдруг у кресла появился мой брат Уинн, с гладко зачесанными темными волосами и в таком же, как у отца, синем блейзере. Взглянув на него, я замотала головой, забормотала, что не говорила отцу ничего такого, что могло бы его расстроить. Но его глаза потемнели, как всегда при виде меня, — и он протянул вперед руку.

— Ты рано вышла, — заметил он с ледяной улыбкой.

— Всего на десять дней раньше, Уинн.

Между нами неожиданно возник Джин Норткат, и я сразу замолчала.

— Прошу простить нас, — обратился Уинн к гостям.

Лица гостей разом повернулись на его голос, как цветы к солнцу, и на его лице засияла неотразимая белоснежная улыбка. Это он умел. Еще как.

— Мой отец желает всем вам спокойной ночи, мы с сестрой пойдем наверх и уложим его. Пожалуйста, продолжайте. Мы ненадолго, правда, Алтея?